

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150009723-8

Мотив мировой горы в вариантах бурятской Гэсэриады

© 2021 г. Э. Б. Аюшеева

Кандидат филологических наук,
младший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6
erzhena1406@yandex.ru

Резюме. Целью данной работы является исследование особенностей функционирования мотива мировой горы в текстах бурятских вариантов Гэсэриады. В современной фольклористике все более актуальными становятся исследования локальных эпических традиций, что позволяет выявить закономерности развития эпического жанра на обширной территории расселения родственных народов. Гэсэриада как комплекс эпических текстов распространена практически на всей территории Центральной Азии и представляет собой богатейший материал для изучения традиционной культуры, истории и этнографии. Предметом исследования является мотив горы, объектом — тексты вариантов бурятской Гэсэриады. Мировая гора в бурятской мифологии представляет собой модель вселенной и включает параметры космического устройства. В подавляющем большинстве текстов бурятской Гэсэриады мотив мировой горы воплощен в мотиве горы Сумеру. Также в бурятских текстах встречаются горы, имеющие собственно бурятские названия и реализующие общемонгольский культ поклонения горным духам. Определение функций пространственного образа, выявление его вариативности подводят автора к выводу о том, что данный мотив не только определяет типологическую близость эпических текстов о Гэсэре, но и выявляет место концепта горы в мировоззрении бурят.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект “Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона”, № 121031000259-6).

Ключевые слова: Мировая гора, Меру, Сумеру, мотив горы, Гэсэриада, бурятский эпос, героический эпос, типология, улигер, варианты Гэсэриады.

Для цитирования: Аюшеева Э.Б. Мотив мировой горы в вариантах бурятской Гэсэриады // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 3. С. 93–100. DOI: 10.31857/S241377150009723-8

The World Mountain Motif in the Buryat Versions of the Gesariada (The Epic of King Gesar)

© 2021 Erzhen B. Ayusheeva

Cand. Sci. (Philol.),
Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanovoy Str., Ulan-Ude, 670047, Russia
erzhena1406@yandex.ru

Abstract. The purpose of this work is to study the functioning of the world mountain motif in the texts of Buryat versions of the Gesariada (The Epic of King Gesar). In modern folklore studies, the research of local epic traditions has taken on a particular urgency, which gives us an opportunity to identify patterns of development of the epic genre on the vast territory of settlement of related peoples. The Gesariada is a complex of epic texts spread throughout Central Asia; it contains rich materials for studying traditional culture, history and ethnography. The main subject of our study is the motive of the mountains; our object is to study text variants of the Buryat Gesariada. The world mountain in Buryat mythology is a model of the universe, and it is ordered according to cosmic parameters. In the majority of texts of the Buryat Gesariad, the motif of the world mountain correlates with the motif of mount Sumeru. Also, in the Buryat texts there are mountains that have native Buryat names and implement the all-Mongol cult of worship of mountain spirits. Determining the functions of the spatial image and revealing its variability leads the author to the conclusion that this motif not only determines the typological proximity of the epic texts about Gesar, but also reveals what place the concept of the mountain holds in the Buryat worldview.

Acknowledgments: The research was carried out in accordance with the state assignment (project "Ethnocultural Identity in the Architectonics of Folklore and Literary Texts of the Peoples of the Baikal Region", № 121031000259-6).

Key words: World Mountain, Meru, mount Sumeru, the motif of mountains, Gesariada, Buryat epic, heroic epic, typology, uliger, versions of Gesariada.

For citation: Ayusheeva, E.B. *Motiv mirovoj gory v variantakh buryatskoj Geseriady* [The World Mountain Motif in the Buryat Versions of the Gesariada (The Epic of King Gesar)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 3, pp. 93–100. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150009723-8

Сказание о Гэсэре в бурятской традиции имеет особое значение, исследователи не раз отмечали его магическое, охранительное значение, ритуальное исполнение его в медицинских целях, для изгнания злых духов и пр. [1, с. 173–174]. Именно религиозно-магический аспект бытования улигера определяет глубину заложенных в тексте установок, отражающих древние архаические воззрения. Бурятская мифология, связанная с шаманизмом, включает в себя древние мифы, сохранность которых констатируется в трудах отечественных и зарубежных ученых [2, с. 106].

Эпический мир улигера включает в свою структуру объекты сакральной топонимики, которые являются ориентиром в мифологическом пространстве. Как известно, в бурятском эпосе представлена наиболее архаичная форма космогонической картины мира, на фоне которой обнаруживается весьма органичный синтез космогонии шаманского и буддийского типа [3, с. 118]. Наиболее часто в бурятских эпических текстах в качестве одного из таких ориентиров выступает гора Сумбэр (Меру, Сумеру), которая сохраняет значение центральной точки Вселенной и реализует ряд новых значений и ассоциаций.

Методологическая база исследования включает принципы сравнительно-типологического и сравнительно-сопоставительного методов, которые широко применяются для решения задач по выявлению общих мест, образов, мотивов в сравниваемых текстах. Применение указанных методов исследования позволяет определить типологические сходства фольклорных текстов и установить их различия, возникшие в процессе живого бытования.

Гора Меру (бур. *Хумбэр уула*) и Молочное море (бур. *Хун далай*) имеют прототипы в древнеиндийском мифе о пахтании молочного океана. По мнению С.Ю. Неклюдова, участие в формировании сказания о Гэсэре мотивов индийской мифологии является достаточно давним [4, с. 149]. Подобные объекты сакральной топонимики упоминаются практически во всех бурятских вариантах Гэсэриады, а также в монгольских и тибетских версиях, с незначительной разницей в характеристиках.

Эти постоянные образы шаманского и эпического фольклора центральноазиатских народов представляют собой мифологизированные понятия, а не реальные географические топонимы. Они довольно часто встречаются и в шаманских текстах, где гора Сумеру служит местом обитания небесных божеств, в том

числе 33 тэнгри и Хормусты [5, с. 44], и потому являются наиболее ранними в повествовательной канве Гэсэриады. Являясь частью “строгих стандартных формул, идентичных в фольклоре всех тюрко-монгольских народов, они становятся ярким свидетельством культурно-исторического единства этих народов. Универсальность формул-зачинов указывает на их большую древность” [6, с. 294]. Так, указанные мифологемы встречаются в фольклоре алтайцев, ойратов, монголов, а также тувинцев и якутов.

Мотивы создают вводные картины, составляя повествовательную канву эпического зачина западнобурятской Гэсэриады, который, несомненно, является одной из важнейших частей эпического текста. В нем дается экспозиция действующих лиц и событий, предваряющих развитие конфликта. Пролог считается наиболее оригинальной и уникальной частью эпического сказания [7, с. 3–5]. Сюжетно-тематическая обособленность эпического зачина и обилие в нем статичных описаний отличает его от основной части повествования. Он (зачин) обладает всеми признаками автономности, в связи с чем может быть выделен в отдельное самостоятельное целое [8, с. 131–132]. Одним из мотивов, пронизывающих как пролог, так и основную канву улигеров о Гэсэре, становится гора Сумеру. Появление Сумеру из взволнованного океана [9, с. 91] послужило основанием для проникновения в монгольскую эпическую традицию вместе с мотивом горы и мотива Молочного моря [3, с. 125], имеющего корни в буддийской мифологии.

Локализация самой горы разная: она помещается на небо или спускается на землю. В западнобурятских версиях Гэсэриады на вершине этой горы собирается *суглан* божеств (бур. *суглаан* — собрание [10, с. 395]), а у ее подножия происходят события земной жизни Гэсэра, что отвечает представлениям о трехслойности вселенной, которую пронизывает эта гора, вершина ее достигает верхнего пространства, мира небожителей.

Так, Хормуста и Гэсэр спускаются на вершину Сумеру, на которой восседает буддийский персонаж Шэбэгли бурхан, обладающий всезнающей книгой. В данном варианте с мотивом горы связаны события, предваряющие земное рождение героя. Гэсэр (*Булеэгэн Тугэсэ*) перед своим рождением на земле так же спускается на вершину горы и молится *Шэбэгли бурхану* [11]. В варианте П. Тушемилова Гэсэр

также отправляется на вершину горы Сухуту-Сумбур к ламе, чтобы получить толкование тревожного сна:

*Сүхөтө-Сүмбөр уулайн
Оройдо [нуужа байһан]
Гурба дахин соржо ламада
Ном неэлгээжэ үзхээ
Ошохом, — гэжэ хэлнэ.*

Поеду к живущему
На вершине Сухуту-Сумбур
Трижды святому ламе
И книгу открыть попрошу
“Поеду”, — сказал.
[12, с. 182; пер. С.Ш. Чагдурова].

Гора, а именно ее вершина, в эпическом сказании приобретает значение локуса, связующего мир небожителей и средний мир людей. Отнесение вершины горы к небесному пространству подтверждается тем, что в шаманской мифологии божества высшего пантеона (к ним относится Хормуста-тэнгри) не спускаются с небес, только их дети, называемые *хатами*, посещают землю. В бурят-монгольской мифологии помимо небесного пантеона не менее значимы и сопоставимы с эпическими героями божества среднего звена (сыновья высших небожителей). Таковым является Гэсэр в бурятских версиях Гэсэриады.

Реализация мотива горы Сумеру в западнобурятских улигерах о Гэсэре содержит и новые детали. В бурятском фольклоре существует устойчивое высказывание: *һун далай — эхэмни, Сумер уула — эсэгэмни* (молочное море — мать моя, гора Сумеру — отец мой) [13, с. 95]. Таким образом, мотивы мировой горы и Молочного моря оказываются встроенными в национальную систему ценностей. Аксиологическая функция понятий видится в создании и образной передаче моральных ценностей во времени и пространстве. Очевидна и воспитательная функция фольклорной формулы, она приобретает особое значение в устах героя-богатыря:

*Эсэгэ хүүе гомойлгожо орхиходоо
Һумэр уула шэргэхэл,
Эхэл хүүе гомойлгожо орхиходо
Һунхэн далай шэргэхэл!*

Коль отца ты обидишь, —
Провалятся горы Сумер,
Коль обидишь ты мать, —
Испарится Молочное море!
[14, с. 48, 114; пер. М.П. Хомонова].

Сумеру, восходящая к мировой горе Меру и олицетворяющая центр земли и Вселенной,

представляет собой вертикальную ось мира, соединяющую верхний, средний и нижний слои. К ближайшим аналогам горы в эпосе можно отнести *сэргэ* (коновязь), а также жилище героя — дворец высотой до неба.

В ходе эпического нарратива возникают священные горы, имеющие бурятские названия. Так, мотив мировой горы соединяется с культом гор, существовавшим у монгольских народов с глубокой древности. В записи М. Хангалова буддийский персонаж лама восседает на вершине горы *Орьёл Уула* [15, с. 73], а в улигере П. Петрова упоминаются горы *Сагаан Бүргэ* (Белая Лука) [16, с. 16], *Сахидаг Уула* (Почитаемая гора) [там же], *Элэстэ* (Песчаная) [16, с. 35]. Указанные названия гор встречаются и в других западнобурятских улигерах, таких как “Алтан шагай”, “Алтан шагай мэргэн”, “Эрбэд Богдо хан”, “Эрэ Тохолэй батор” [17]. Если “пространственно-временной фон зачина исключительно мифологичен, *доисторичен* и к событиям, воспеваемым в сказаниях, имеет более чем косвенное отношение” [18, с. 287], то в ходе эпического повествования горы приобретают реальные бурятские очертания.

Почитаемые горы, ассоциируемые с хозяевами местности, природных стихий и духами-покровителями, мифологизируются и соотносятся с мировой горой, дублируя ее в функции моделирования мира [19, с. 312]. По представлениям сказителей, на небе, как и на земле, имеются горы, реки, леса. Введение собственно бурятских священных гор в повествование придает эффект реальности происходящих в нем событий, вносит историчность в образы персонажей.

Одной из деталей, дополняющих мотив мировой горы, представленной в бурятской мифологии, становится ее тройственность: гора предстает в виде трех гор под одним названием Сумеру. Они принадлежат устройству земного мира, поскольку согласно эпическому тексту, севернее от нее с неба падает отрубленная Хан Хирмасом правая рука главы восточных небожителей Атай Улана, которая впоследствии превратится в белое чудовище *Орголи*:

Дордо замбида буухадаа, —
Гурбан сүмбэр уулайн
Ара биидэхэ...

Когда на землю спустилась...
На северной стороне
Трех Сумэр гор...
[16, с. 28, пер. А.И. Уланова].

С вершиной горы Сумеру как вертикальной оси вселенной связаны небесные обитатели, создатели мира людей, с ее подножием же ассоциируется нижний по отношению к небесам мир, населенный людьми. Таким образом, Сумеру как бы пронизывает существующие уровни космоса. В унгинских вариантах Гэсэриады у подножия Сумеру в среднем мире происходят эпические события:

*Абай Гэсэр Богдын
Баруун хойто зүгтэ
Сүмбэр уулын хормойдо
Сэбэр байшан тодхооно.*

У Абай Гэсэра
На северо-западной стороне
У подножия горы Сумеру
Чистый дворец сияет.
[20, с. 130, пер. наш. — Э.А.].

Вершина горы в бурятских улигерах приобретает значение места сакрального таинства, совершения ритуала. В варианте П. Тушемилова именно на вершине горы Сүхөтө-Сүмбөр Гэсэр приобретает свой истинный богатырский облик и имя Абай Гэсэр, стоя перед Тремя бурханами Шэбгэни в момент чтения ими священных книг:

Шэбгэни Гурбан бурхад
Номоо неэжэ уншажа
Һуугаа гэжэ хэлсэхэ.
Наада тээн хархадан
Нюхата-Нюугай хүбүүн
Урдан байжа байна даа.
Урайһаниинь харахадан
Улаан уулайн түхөөтэй,
Хойнһониинь хархадан
Хонгор уулайн түхөөтэй...

Три Шэбгэни бурхана
Раскрытые книги
Читают, восседая.
Перед ними же, оказалось,
Нюсата-Нюгай хубун
Стоит.
Спереди его оглядеть
Похож на высокую красную гору,
Сзади его оглядеть
Похож на белесо-рыжую гору...
[12, с. 77].

Мотив наречения именем в варианте Б. Жатухаева реализуется на вершине горы Сохото-Сомбол в эпизоде подготовки Гэсэра к перерождению Булегэн Тугэсэ (Гэсэр). Он преклоняет колени и молится Шэбэгли бурхану, от которого получает благословение и имя *Абай Гэсэр* [11]. Так же и в варианте М. Хангалова Три Шибэгэни бурхана, восседающие на вершине горы Орьёл Ула, благословляют

Нюхата Зуру (одно из земных имен героя) и даруют ему имя *Абай Гэсэр Богдо хаан* [15, с. 73]. В петровском варианте Нюргай (Гэсэр) становится Абай Гэсэр ханом и получает гнедого коня и снаряжение после того, как однажды ночью, преследуемый женами, поднимается на вершину горы Элэстэ [16, с. 61]. Особым образом переплетается мотив горы с мотивом приобретения героем своего имени в улигере П. Дмитриева. Не желая становиться женой Олзогойхона-Найденыша (Гэсэр), Тумэн Жаргалан решает, что лучше сброситься с горы. Она убегает на вершину северной горы, но тут ее догоняет Олзогойхон, в котором девушка признает его истинное лицо. С этого момента Олзогойхон становится Абай Гэсэром [20, с. 49–50]. Таким образом, мотив горы становится одним из основных в эпическом повествовании, вершина горы получает статус сакральной локации, что реализуется в ключевых сюжетах эпоса.

С мотивом горы в вариантах бурятской Гэсэриады также тесно связан мотив получения героем небесного вооружения, коня, воинов. Переродившись на земле в мире людей, Гэсэр отправляется на вершину горы, чтобы попросить у небожителей обещанное снаряжение. В эхирит-булагатской Гэсэриаде, взобравшись на холм, Гэсэр обращается к тысяче светлых бурханов, после чего незамедлительно получает голубого небесного коня, одежду, оружие:

Хараа дэлдэ мүлхижэ ошоод ло:
“Огторгойн мянган сагаан
бурхам ни
Унаха морин хаана бэ?
Үмдэхэ дэгэл хаана бэлэй?
Бариха тоног хаана бэ?” — гэжэ
Добуун дээрэ забилжа
һууһаниинь тэрэ гэлэй...

Из виду скрывшись ползком:
“Мои тысяча светлых небесных
бурханов,
Где конь для езды верховой?
Где дэгэл, чтоб надеть?
Где доспехи, оружие?” — вопрошал,
Сидя на холме,
подобрав под себя ноги...
[14, с. 33, пер. М.П. Хоимова].

В эхирит-булагатской версии сказания не упоминается название топонима, с вершины которого Гэсэр обращается к покровительствующим ему бурханам, однако четко указывается, что просьба отправляется в небо именно с вершины холма / горы. В унгинских вариантах, напротив, практически всегда

указывается ороним и чаще всего это гора Сумбэр.

В текстах записи 1940 и 1948 гг. от сказителя П. Тушемилова наблюдаются расхождения в описании рассматриваемого мотива. В записи 1940 г. (И.Н. Мадасон) Гэсэр поднимается на вершину горы Сумеру для совершения обряда жертвоприношения традиционному бурятскому божеству *Эсэгэ Малаану*, у которого просит коня и вооружение [21]. А в записи 1948 г. (Т.М. Болдонова) на вершине этой горы восседают буддийские божества, Гэсэр самостоятельно поднимается на небо и берет у отца Хормусты-тэнгри воинов, коня, вооружение [12, с. 79]. Подобный мотив наблюдается и в других унгинских вариантах. Нюхата Сура (Гэсэр) в тексте А. Васильева совершает на вершине горы жертвоприношение (тайлаган) своему творцу *Эсэгэ Малаан баабай*, забив жирную кобылицу [22]. Сказитель Н. Иванов в сказительском тексте сообщает, что Бальшар Бага хубун (Гэсэр) превращается в серого кречета и взлетает на вершину горы Сэгтэ Сумэр Ула, принимает облик молодца-богатыря и совершает *тайлаган* — приносит в жертву барана Эсэгэ Малану и просит подходящего для езды коня и подходящее оружие [23]. Как видим, несмотря на различия в религиозно-магическом плане, композиционном оформлении, обстоятельства обращения за воинским снаряжением, неизменным остается место совершения таинства — вершина горы.

На вершине горы располагаются божества или приближенные к ним персонажи. *Нюхата Сура* (Гэсэр) поднимается на эту же гору, чтобы попасть на суглан с тысячей светлых бурханов [24]. Согласно сюжету, Хормуста спускается к *Шэбэгли бурхану* на вершину Сумеру, чтобы узнать о состоянии среднего мира. Так и *Булеэгэн Тугэсэ* (Абай Гэсэр) спускается через белую дверь на вершину *Сэгтэ Сэмбэр Ула* [11]. На горе Сумбэр живет не только буддийское божество *Шэбэгли бурхан*, но и святой лама, обладающий всезнающей материнской книгой:

Тиижэ яажа байхадаа
Абай Гэсэр богдо хаан
Сүхөтө-Сүмбөр уулайн
Оройдо һуужа байһан
Гурба дахин соржо ламада
Ном неэлгэжэ үзэхэеэ
Ошоом, — гэжэ хэлнэ.

Абай Гэсэр богдо хаан
Дал на это согласие.
Отправляюсь к восседающему

На вершине Сухуту-Сумбэр горы
Трижды святому ламе.
Он попробует в книге
Ответ найти.
[12, с. 182, пер. наш. — Э.А.]

Сакральность вершины мировой горы, как видим, безусловна. При этом в разных вариантах наблюдается отнесенность к ней как шаманских, так и буддийских реалий.

Еще один оригинальный мотив закаливания героя, тесно связанный с мотивом горы, встречается в варианте А. Васильева: *Эрхэ Бэлэгтэ* (Гэсэр) до своего земного перерождения купается в водоеме с живой водой на вершине горы *Сэгтэ Сэмбэр Уула*, чтобы обрести силу [22]. Мотив закаливания героя, обретение им силы перед нелегкой миссией встречается и в других бурятских улигерах. В эхирит-булагатской Гэсэриаде действо совершают небесные кузнецы [14, с. 97], которых в улигере Б. Бурнакова (эхирит-булагатская эпическая традиция) заменяют буддийские ламы [25]. Как видим, мотив горы тесно переплетается с другими традиционными мотивами, приводя в эпический текст новые детали.

Итак, мотив горы в западнобурятских версиях Гэсэриады достаточно распространен и присутствует не только в эпическом зачатке, но и в повествовании улигеров. С ним связаны действия персонажей, обладающие сакральным значением. Локация горы не относится к небесной верхней сфере, но является связующим звеном между верхним и нижним мирами, через который небожители спускаются в средний мир. Кроме того, гора Сумеру является пристанищем буддийских персонажей и местом совершения таинства: наречения новым именем, жертвоприношения, благословения. Таким образом, вершина горы в эпосе наделяется особой сакральностью, что сохраняется во всех вариантах западнобурятской Гэсэриады.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Heissig W. Geser Khan als Heilsgottheit // Proceedings of the Csoma de Körös Memorial Symposium. Ed. by L. Ligeti, Budapest, 1978. 498 p.
2. Lörincz L. Die Mongolische Mythologie / L. Lörincz // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Tomus XXVII (I). Budapest, 1972. P. 103–126.
3. Неклюдов С.Ю. Мифологическая семантика в зачинах монгольского эпоса // Opera altaiistica professori Stanislao Kaluzynski octogenario dicata. Rocznik Orientalistyczny. Tom LVIII. Zeszyt 1. Warszawa, 2005. P. 117–132.
4. Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. 310 с.
5. Элиаде М. Избранные сочинения: очерки сравнительного религиоведения. Пер. с англ. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
6. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Наука, 1963. 460 с.
7. Дугаров Б.С. Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2005. 298 с.
8. Неклюдов С.Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
9. Ковалевский О. Буддийская космология. Казань: Типография Казанского университета, 1837. 177 с.
10. Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. 44000 слов. М.: “Советская энциклопедия”, 1973. 804 с.
11. Абай Гэсэр.: записано А.А. Бальбуровым от Б. Жатухаева (р. 1891) в апреле 1941 г. в г. Улан-Удэ // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ОАФ. Д. № 2510, 102 с. (машинопись).
12. Абай Гэсэр. Сказитель П.М. Тушемилов, науч. зап. Т.М. Болдоновой; пер., вступит. статья и послесловие С.Ш. Чагдурова. Улан-Удэ: Изд. Бурятского госуниверситета, 2000. 256 с.
13. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины / И.А. Манжигеев. М.: Наука, 1978. 125 с.
14. Абай Гэсэр-Хубун [Текст]: Эпопея: (Эхирит-булагат. вариант) / Записан Ц. Жамцарано у сказателя Манишута Имегенова; Подгот. текста, пер. и примеч. М.П. Хомонова; Вступ. ст. А. Уланова; АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. комплекс. НИИ. Улан-Удэ: [б. и.], 1961. 231 с.
15. Абай Гэсэр Богдо хан: записано М.Н. Хангаловым от Н. Хангалова и Петкоба Тушемилова. Опул. на русском языке // Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г.Н. Потанина. 1884–1886. Т. II. СПб., 1893. С. 44–113.
16. Абай Гэсэр. Сказитель П. Петров, зап. И.Н. Мадасона. Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. А.И. Уланова. Улан-Удэ: Бур. комплексный НИИ СО АН СССР, 1960. 314 с.
17. Бурчина Д.А. Героический эпос унгинских бурят [Текст]: указатель произведений

- и их вариантов / Д.А. Бурчина; отв. ред. Ю.И. Смирнов; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. Новосибирск: Наука, 2007. 542 с.
18. Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов / Функ Д.А. М.: Наука, 2005. 398 с.
 19. Топоров В.Н. Гора / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 311–315.
 20. Гэсэр. Сказитель П. Дмитриев, зап. Д. Хилтухин. Подг. к печати А. Уланов, К. Черемисов. Под общей ред. П.И. Хадалова, А.И. Уланова. Улан-Удэ, 1953. 163 с.
 21. Абай Гэсэр Богдо хан: Записано И.Н. Мадасоном от П.М. Тушемиллова в ноябре 1940 г. улус Мельхитуй Нукутского района Иркутской области // ЦВРК ИМБТ СО РАН, Ф. 18. Оп. 1. Д. № 71. 93 лл.
 22. Абай Гэсэр Богдо хан.: Записано от А. Васильева, предпол. в 30-е — нач. 40-х гг. XX в. // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. С.П. Балдаева, Ф. 36. Оп. 1. Д. № 155; 405 с. (машинопись).
 23. Абай Гэсэр Богдо хан: Записано С.П. Балдаевым от Н.Т. Иванова и Б. Болдонова (зунгарский вариант). 1941. ЦВРК ИМБТ СО РАН, Ф. 36. Оп. 1. Д. № 161. 106 лл.
 24. Абай Гэсэр хубун: записано С.П. Балдаевым от П.У. Степанова 6 августа 1940 г. в с. Ныгда Аларского района Иркутской области // ЦВРК ИМБТ СО РАН, Ф. 36. Оп. 1. Д. № 170, 77 с. (машинопись).
 25. Арбан табан наһанда утэлэһэн Гургалдай (Постаревший в 15-летнем возрасте Гургалдай): Записано М.П. Хомоновым от сказителя Б. Барнакова в 1961 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. № 31. 190–258 лл.
 4. Neklyudov, S.Yu. *Geroicheskiy epos mongolskikh narodov. Ustnye i literaturnye tradicii* [The Heroic Epic of the Mongolian Peoples. Oral and Literary Traditions]. Moscow, Nauka, GRVL Publ., 1984. 310 p. (In Russ.)
 5. Eliade, M. *Izbrannye sochineniya: ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya*. [Selected Works: Essays in Comparative Religious Studies] Transl. from English. Moscow, Ladomir Publ., 1999. 488 p. (In Russ.)
 6. Meletinskiy, E.M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo epasa. Rannie formy i arhaicheskie pamyatniki* [The Origin of the Heroic Epic. Early Forms and Archaic Monuments]. Moscow, Nauka Publ., 1963. 460 p. (In Russ.)
 7. Dugarov, B.S. *Buryatskaya Geseriada: nebesnyj prolog i mir epicheskikh bozhestv* [The Buryat Gesar Epic: The Celestial Prologue and the World of Epic Deities]. Ulan-Ude, Izdatelstvo BNC SO RAN Publ., 2005. 298 p. (In Russ.)
 8. Neklyudov, S.Yu. *Folklornyy landshaft Mongolii. Epos knizhnyj i ustnyj* [Folklore Landscape of Mongolia. Epic Book and Oral]. Moscow, Indrik Publ., 2019. 592 p. (In Russ.)
 9. Kovalevskiy, O. *Buddijskaya kosmologiya* [Buddhist Cosmology]. Kazan, Tipografiya Kazanskogo universiteta Publ., 1837. 177 p. (In Russ.)
 10. Cheremisov, K.M. *Buryatsko-russkiy slovar* [Buryat-Russian Dictionary]. 44000 Words. Moscow, "Sovetskaya enciklopediya" Publ., 1973. 804 p. (In Bur., in Russ.)
 11. Abaj Geser. *Zapisano A.A. Balburovym ot B. Zhatuhaeva (r. 1891) v aprele 1941 g. v g. Ulan-Ude* [Abay Gesar. Written by Balburov, A.A. from Zhatuhaev, B. (born 1891) in April 1941 in Ulan-Ude]. CVRK IMBT SO RAN, OAF. D. No. 2510, 102 p. (In Bur.)
 12. Abaj Geser. *Skazitel P.M. Tushemilov, nauch. zap. T.M. Boldonovoj; per., vstupit. statya i posleslovie S.Sh. Chagdurova* [Abay Gesar. Narrator Tushemilov, P.M., Written by Boldonova, T.M. Translation, Foreword and Afterword of Chagdurov, S.Sh.]. Ulan-Ude: Izd. Buryatskogo gosuniversiteta Publ., 2000. 256 s. (In Bur., in Russ.)
 13. Manzhigeev, I.A. *Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy* [Buryat Shamanistic and Pre-Shamanistic terms]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 125 p. (In Russ.)
 14. Abaj Geser-Hubun [Tekst]: *Epopeya: (Ekhirit. bulagat. variant). Zapisan C. Zhamcarano u skazatelya Manshuta Imegenova; Podgot. teksta, per. i primech. M.P. Homonova; Vstup. st. A. Ulanova; AN SSSR. Sib. otd-nie. Buryat. kompleks. NII* [Abay Gesar-Hubun. Text: Epic. Written by Zhamcarano, C. from Narrator Manshut

REFERENCES

1. Heissig, W. *Gesar Khan als Heilsgottheit*. Proceedings of the Csoma de Körös Memorial Symposium. Ed. by L. Ligeti, Budapest, 1978. 498 p. (In Germ.)
2. Lörincz, L. *Die Mongolische Mythologie* / L. Lörincz // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, Tomus XXVII (I). Budapest, 1972, pp. 103–126. (In Germ.)
3. Neklyudov, S.Yu. *Mifologicheskaya semantika v zachinah mongolskogo epasa* [Mythological Semantics in the Prolog of the Mongolian Epic]. Opera altaistica professori Stanislao Kaluzynski octogenario dicata. Rocznik Orientalistyczny. Tom LVIII. Zeszyt 1. Warszawa, 2005, pp. 117–132. (In Russ.)

- Imegenov. Text Preparing, Translation and Commentaries of Homonov, M.P. Foreword of Ulanov, A. The Academy of Sciences of the USSR, Siberian Department]. Ulan-Ude, 1961. 231 p. (In Bur., in Russ.)
15. *Abaj Geser Bogdo han: zapisano M.N. Hangalovym ot N. Hangalova i Petkova Tushemilova. Opubl. na ruskom yazyke. Tangutsko-Tibetskaya okraina Kitaya i Centralnaya Mongoliya. Puteshestvie G.N. Potanina. 1884–1886* [Abay Gesar Bogdo han. Written by Hangalov, M.N. from Narrators N. Hangalov and Petkov Tushemilov. Published in Russian. Tangut-Tibet Outside Chinas and Central Mongolia. Traveling of G.N. Potanin. 1884–1886]. Vol. II. St. Petersburg, 1893, pp. 44–113. (In Russ.)
 16. Abaj Geser. Skazitel P. Petrov, zap. I.N. Madasona. Vstup. st., podg. teksta, per. i koment. A.I. Ulanova [Abay Gesar. Written by Madason, I.N. from Narrator P. Petrov. Text Preparing, Foreword, Translation and Commentaries of Ulanov, A.I.]. Ulan-Ude: Bur. kompleksnyj NII SO AN SSSR Publ., 1960. 314 p. (In Bur., in Russ.)
 17. Burchina, D.A. *Geroicheskiy epos unginskiy buryat* [The Heroic Epic of the Unga Buryats]. Smirnov, Yu.I. (Ed.). The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, Nauka Publ., 2007. 542 p. (In Russ.)
 18. Funk, D.A. *Miry shamanov i skazitelej: kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov* [The Worlds of Shamans and Storytellers: a Comprehensive Study of Teleutian and Shor Materials]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 398 p. (In Russ.)
 19. Toporov, V.N. *Gora* [Mountain]. Toporov, V.N. *Mify narodov mira: Enciklopediya. T. 1* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia. Vol. 1]. Moscow, Sov. Enciklopediya Publ., 1987, pp. 311–315. (In Russ.)
 20. *Geser. Skazitel P.P. Dmitriev, zap. D. Hiltuhin. Podg. k pechati A. Ulanov, K. Cheremisov. Pod obshchej red. P.I. Hadalova, A.I. Ulanova* [Geser. Written by Hiltuhin, D. from Narrator P.P. Dmitriev. Text Preparing of Ulanov, A., Cheremisov, K. Hadalov, P.I., Ulanov, A.I. (Eds.)]. Ulan-Ude, 1953. 163 p. (In Bur.)
 21. *Abaj Geser bogdo han: Zapisan I.N. Madasonom ot P.M. Tushemilova v noyabre 1940 g. ulus Melhituj Nukutskogo rajona Irkutskoj oblasti* [Abay Gesar Bogdo han. Written by Madason, I.N. from Narrator P.M. Tushemilov in November 1940 in Ulus Melhituj of Nikitskiy District of Irkutsk Region]. CVRK IMBT SO RAN, F. 18. Op. 1. D. No. 71. 93 p. (In Bur.)
 22. *Abaj Geser bogdo han.: Zapisano ot A. Vasiljeva, predpol. v 30-e – nach. 40-h gg. XX v.* [Abay Gesar Bogdo han. Written from Narrator A. Vasiljev in 1930–40s]. CVRK IMBT SO RAN, f. S. P. Baldaeva, F. 36. Op. 1. D. No. 155; 405 p. (mashinopis'). (In Bur.)
 23. *Abaj Geser Bogda han: Zapisano S.P. Baldaevym ot N.T. Ivanova i B. Boldonova (zungarskiy variant). 1941* [Abay Gesar Bogda han. Written by Baldaev, S.P. from Narrators N.T. Ivanov and B. Boldonov (Zungar Variant). 1941]. CVRK IMBT SO RAN, F. 36. Op. 1. D. No. 161. 106 p. (In Bur.)
 24. *Abaj Geser hubun: zapisano S.P. Baldaevym ot P.U. Stepanova 6 avgusta 1940 g. v s. Nygda Alarskogo rajona Irkutskoj oblasti* [Abay Gesar hubun. Written by Baldaev, S.P. from Narrator P.U. Stepanov on August 6 1940 in Village Nygda of Alarskiy District of Irkutsk Region]. CVRK IMBT SO RAN, F. 36. Op. 1. D. No. 170, 77 p. (In Bur.)
 25. *Arban taban nahanda utelehen Gurgaldaj (Postarevshij v 15-letnem vozraste Gurgaldaj): Zapisano M.P. Homonovym ot skazitelya B. Barnakova v 1961 g.* [Arban taban nahanda utelehen Gurgaldaj. Aged at 15, Gurgaldai. Written by Homonov, M.P. from Narrator B. Barnakov in 1961]. CVRK IMBT SO RAN. F. 23. Op. 1. D. No. 31, pp. 190–258. (In Bur.)

Дата поступления материала в редакцию: 12 октября 2020 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 января 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 марта 2021 г.

Дата публикации: 30 июня 2021 г.

Received by Editor on October 12, 2020

Revised on January 25, 2021

Accepted on March 30, 2021

Date of publication: June 30, 2021